

Анастасия Георгиевская, народная артистка СССР

«ДОРОЖУ ТЕМ ДНЕМ, КОГДА ТРУЖУСЬ...»

Казалось бы, проще простого: ты талантлив, любишь свое дело, ну и делай его, усердствуй — и зачтется тебе людьми... Ан нет, все непросто, ох как непросто. Особенно в искусстве театра, где, быть может, больше, чем в каком-либо ином роде человеческой деятельности, существует эта самая зависимость.

Странно, не правда ли: есть дело, которому ты верой и правдой — и вдохновенно! — служишь полвека, есть силы, и ты чувствуешь, что можешь еще немало потрудиться, создать много значительного и прекрасного в своем деле. Ест наконец талант, который, кажется, ни у кого не вызывает сомнения. И... есть много дней, месяцев, лет, когда ты лишь думаешь о том, что «цель творчества — самоотдача», но живешь в этом прекрасном режиме самоотдачи все реже и реже. Нет-нет, да подбросит тебе судьба кусочек счастья в виде такой роли, какую сыграла в недавней премьере. А теперь — когда еще такое будет? И Арину-то Петровну ждала несколько лет...

Нет, не сказала мне при встрече этих слов замечательная актриса Московского Художественного театра народная артистка СССР Анастасия Павловна Георгиевская. Но недоумение и грусть, удивление и печаль так и не ушли из нашей беседы.

Нет, она не жаловалась, да и как-то грешно это делать сегодня, когда в «Господах Головлевых» она играет роль, принесшую огромную радость и ей, актрисе, и нам, зрителям, вновь и вновь подивившимся ее неувядаемому таланту, редкой способности быть неповторимой. И все-таки Анастасия Павловна грустила. О годах, прошедших в ожидании большой и интересной работы.

Были, конечно, в эти годы приглашения в кино, на телевидение, и актриса принимала (или не принимала) эти предложения. И все-таки...

— Моя непреходящая любовь — театр, — сказала Анастасия Павловна. — Только в нем, на сценических подмостках, в живом общении с залом я могу быть до конца счастливой. И это до последних дней, до последнего вздоха.

Слушаю ее рассказ о судьбе, нелегкой судьбе человека, перешедшего с трех лет «на социальное попечение», о беспризорном детстве, в котором узнала девочка голод и холод, о детстве, где впервые согрелась «на людях» ее все остро воспринимавшая хрупкая детская душа... О работе на заводе. Об учебе в ГИТИСе.

О первых еще неуверенных шагах на сцене... Как давно это было, но как ценно, словно не прошло столько лет, хранится в памяти.

— Почему вы не напишите обо всем этом книгу?

Актриса посмотрела на меня, улыбнулась и ничего не ответила.

Она выходит на сцену, и каждый раз (в течение многих лет, будь то Ксения в «Егоре Булычове» или Потапова в «Битве в пути», Карпухина в «Дядюшкином сне» или Меркутина в «Юбилее», мать Валентина в спектакле «Валентин и Валентина» или Мачеха в «Двенадцати месяцах») от ее таких разных, таких ярких персонажей мы оказываемся во власти удивительного дара перевоплощения.

А что она, актриса, испытывает, чувствуя эту самую власть над нами? Неожиданно пришла мысль о том, что актерство — еще, видимо, и наслаждение от этой власти над зрителем. Спросил об этом у актрисы.

— Что вы, боже сохрани! Вы совершенно неточно определили. Не власть — царина я, что ли! — но абсолютный контакт с сидящими в зале людьми. Это-то я чувствую сразу. Значит, все правильно, точно — в яблочко!

— Анастасия Павловна, многие актеры говорят, что премьера «доделывается» на зрителе, который-де корректирует игру исполнителя. А мне кажется, что хороший актер никогда не позволит зрителю корректировать свою игру, он властелин, сам влияет на мысли и чувства сидящих в зале.

— Далее вам эти слова — «власть», «властелин!» Совершенно с вами не согласна. Поймите, невозможно ни на премьере, ни позже абсолютно все охватить в роли. А зритель — наш фильтр. Как актер — фильтр драматурга.

— То есть вы оставляете за зрителем право поправки...

— Конечно! А для кого ж мы играем?

— И как велика может быть степень такой поправки? Так ведь можно и на поводу у вкусов пойти.

— А почему бы не пойти на поводу у хорошего вкуса? И еще — речь идет о доверии. А это совсем не то, о чем вы говорите.

— Ну хорошо. Но все ли зрители могут быть фильтром?

— Нет, не все. Я иду лишь за тем зрителем, который не лжет. И не аплодирует только потому, что так принято, даже когда ему не нравится игра актера, вообще спектакль. Мы должны равно уважать друг друга — актер зритель и зритель актера.

— Я также слышал часто от актеров, что в любой роли, как бы далек ни был от их собственной человеческой сути создаваемый характер, они так или иначе рассказывают... о себе.

— Не понимаю, как это может быть. В моем случае это совсем не так. Иначе для чего я актриса? Труд-то наш в том, по моему, и состоит, чтобы не о себе рассказывать, но найти в себе те качества характера, которые присущи персонажу.

— Но ведь вы сыграли такое количество женщин и с такими различными, часто исключительными друг друга характерами, что это не позволяет даже в малейшей степени представить себе человека по фамилии Георгиевская.

— А и не надо этого делать.

— Скажите, пожалуйста, понятия «человек» и «актриса» совершенно неразделимы в вас?

— Абсолютно. Ведь одно — часть другого.

— А как же... В общении с людьми? В жизни?

— Ишь вы куда! Нет, в общении с людьми я не играю кого-то, но общаюсь с позиций актрисы!

— То есть?

— Остаюсь сама собой, но постоянно наблюдаю за людьми — их характер, манера поведения, способ мышления, какие-то детали, нюансы. Все — в «копилку памяти»! Всегда пригодится. Это и есть — «с позиций актрисы». Так что не путайте одно с другим. «Делю» же я себя только в тех случаях, когда рядом неискренний человек, хитрый.

— Анастасия Павловна, годы многое меняют в человеке. Что принесли вы из юности в свой сегодняшний день актрисы?

— Совесть. Правду того искусства, которое исповедовали мои учителя Станиславский и Немирович-Данченко. И в этом нахожу свое и актерское, и человеческое счастье. Еще принесла из юности любознательность, трудолюбие. Я дорожу тем днем, когда тружусь, и ненавижу тот день, когда жду. Мне странно, когда иной молодой актер доволен тем, что у него нынче свободный вечер, нет спектакля. Мне вообще странно, когда молодые люди говорят о профессии как об источнике заработка, зараннее загадывают свою судьбу, стремятся к покою. На что же им тогда молодость?! Силы и страсть молодости надо, разумеется, тратить разумно, но без оглядки!

Мне вот семьдесят исполнилось, звание выско, какое-то положение в театре, а трудиться, тратить себя, отдавать любимому делу хочется так, будто только начинаю идти по трудовой тропке. Не устала, не нарабаталась! Сижу вот с вами, в уютном кресле устроилась, а мне... неудобно! Мне не кресло в квартире, а табурет в репетиционной выгородке нужен. Получи я сейчас новую интересную работу — вы меня не узнаете. Половину из своих семидесяти сброшу; и заговорю, и задвигаюсь быстрее, и голос позвонче зазвучит. И все также трудно будет, потому что каждая роль — начало, загадка.

Вот я о молодых говорила. Очень рано некоторые из них «гениями» стали. И ведь поверили в это! Все-то им легко, все понятно и в театре, и в жизни. Все в нашем деле знают и рассуждают о нем с видом докторов искусствования. А спроси иного из них о Качалове, например, так ведь не скажет, поди, в каком году родился Василий Иванович. Назовет две-три роли его, а дальше... задумается. Вспомнит ли? Не видел — не значит, что не надо знать. Надо! Ах как надо! А ему, молодому, неинтересно. Ему только про себя интересно, он смотрит в свой день, сегодняшний. На что ему вчерашний день театра? А это ведь — начало! Не безродные же мы. Да и учились мы у людей, чьи имена вошли в историю мировой культуры. Войдет ли в историю тот молодой, который про Качалова только и знает, что имя да отчество, еще неизвестно. Печется он о славе да популярности своей рьяно, выйдет ли из того что-нибудь? Конечно, не все такне. Есть много достойных среди нашей театральной молодежи — и по таланту, и по культуре, и по манере вести себя. Я вам так скажу: мне с молодыми интересно, если души у них неспокойные, глаза озорные. Тут мы срочимся: актеры ведь. Нет, не ворчу я, это боль моя выходит, беспокойство за тех, кто заменит, за наш прекрасный театр, за то, чтобы сохра-

нился в нем великий дух великих его создателей...

Помолчав, добавила:

— Я вот о чем думаю... Война... От начала и до конца прошла ее во фронтовых бригадах. И может, именно тогда впервые не умом, но больше сердцем, душой, всем своим существом поняла, что значит искусство в жизни человека. Как противовес Добра Злу, Жизни — Смерти... Тогда же, верно, и поняла по-настоящему, как прекрасна моя профессия, как нужна она людям. Вот еще откуда моя сегодняшняя боль за театр, за Правду в нем, за то главное, чему должно в нем служить. Раньше ведь так и говорили — «служу в театре». А нынче — «работаю в театре». Слава богу, не говорят — «хожу в театр на работу».

— Анастасия Павловна, я вновь хочу вернуться к разговору об огромном количестве созданных вами характеров. Целые пласты! Не изменили ли они ваш собственный характер? Ведь не только вы на своих карпухиных, меркутинных и иже с ними шли в атаку, но и они тоже, верно, атаковали вас, точнее сказать, ваше представление о человеке. Или нет? Всегда ли вы оставались вне их влияния?

— Абсолютно всегда. Если бы они на меня влияли, я давно бы в ведьму превратилась. Суть нашего актерского труда — сознательное перевоплощение. Другое дело: играя своих персонажей, я становилась умнее, узнавала через них что-то о жизни, о людях, и именно это меняло... нет, не характер мой, но мое представление о том, на что способен человек или на что он не способен. И многое в человеке, вообще в жизни, уже не становилось для меня в диковинку.

— Подумалось вот о чем: собрать бы всех сыгранных вами персонажей... в вашей квартире. Остались бы вы в этой компании, не испугались бы?

— А чего их бояться? Я же их сама и создала. Конечно, осталась бы. И на правах создателя каждой что-нибудь да сказала, нашлось бы что сказать.

— Вы нынче играете Арину Петровну в «Господах Головлевых». Что скажете про эту свою работу?

— Это вопрос не по адресу, на то критики есть. А вы, что ж тут говорить? С огромной радостью играю, размышляю об этой женщине постоянно, додумываю. Премьера премьерой, но окончательной свою работу над ролью Арины Петровны не назову.

— Анастасия Павловна, как, по-вашему, что такое талант, талантливый человек?

— Талант — он или есть, или нет его. Другое дело — талант надо питать, не давать душе покоя, не давать ей остужаться. Талантливый человек? Самобытный, наверное. Всегда несущий в себе свое «я». Способный удивить. Способный прислушаться к себе. И еще: талантливый — это несущий Добро.

— Что же, злой человек не может быть талантливым?

— Я этого не утверждаю. Но у доброты больше шансов обогатить талант.

Мне было непросто беседовать с Анастасией Павловной Георгиевской. Человек она неоднозначный, крутого нрава.

Сегодня она блистательно играет Арину Петровну Головлеву. Когда еще состоится у нее праздник премьеры? Но она ждет, очень ждет этот вечер, ей не занимать терпения.

Леонид ДНЕПРОВСКИЙ.